

АРК. АВЕРЧЕНКО. А. БУКОВЬ.
Б. АЗОВЬ. О. Л. ДОРЬ. ТЭФФИ.

**"ТЕПЛАЯ
КОМПАНИЯ"**
(СЪ КЪМЪ МЫВОЮЕМЪ)

ИЗДАНИЕ
ЖУРНАЛА
НОВ. САТИРИКОН.

Аркадий Аверченко

**Теплая компания (Те, с
кем мы воюем). Сборник**

«ИП Князев»

2016

УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)5

Аверченко А. Т.

Теплая компания (Те, с кем мы воюем). Сборник /
А. Т. Аверченко — «ИП Князев», 2016

Переиздание сборника фельетонов 1915 г. авторов журнала «Новый Сатирикон», посвященного участию России в Первой мировой войне. Книга снабжена историческим комментарием А. А. Иконникова-Галицкого и предисловием В. А. Шендеровича.

УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)5

© Аверченко А. Т., 2016
© ИП Князев, 2016

Содержание

"Лошади меня смешат..."	6
Теплая компания (Те, с кем мы воюем)	8
Влад. Азов	8
Тэффи	16
Обзор географический	16
Устройство поверхности	16
Климат	16
Реки и каналы	16
Народонаселение	17
Промышленность	18
Свиньи	23
Леса	24
Вода	25
Земля	25
Университеты	26
Профессора	26
Студенты	29
Кайзер	35
Арк. Бухов	38
Население Австрии	40
Армия	41
Австрийская дипломатия	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад. Азов, Надежда Тэффи, Аркадий Бухов, О. Л. Д'Ор, Аркадий Аверченко Теплая компания (Те, с кем мы воюем). Сборник

Выражаем самую сердечную благодарность за помощь в осуществлении настоящего издания Дмитрию Басистому, Елене Биджиевой, Антону Гетьманчуку-Запорощенко, Руслану Горовому, Илье Данилову, Михаилу Ковярову, Александру Кузнецову, Наталье Лебедевой, Юрию Мазурику, Павлу Романову (компания «Росвосторг»), Александру Сидорову, Евгению Смехову, Алексею Тимофееву, Султану Усланову, Никите Уткину. Особая признательность Вадиму Богданову.

© В. А. Шендерович, предисловие, 2016

© А. А. Иконников-Галицкий, комментарии, 2016

© ООО «Реноме», 2016

* * *

Когда тот же Аверченко и его братья-сатириконтцы обгладывали по косточкам русский уклад, русскую косность и русскую глупость, – нация шла на поправку; когда культурная элита бросилась выполнять пропагандистский заказ по «мочению» немцев, австрияков и турок – это означало перелом в беду, синдром острого национального иммунодефицита... Надо ли указывать на очевидную рифму, которой отметился новый век? Надо, наверное. Ибо очевидна она далеко не для всех... Да, наши нехитрые сегодняшние развлечения – с разудалыми шутками-прибаутками про «пиндосов», «укропов» и «гейропу», – прямое свидетельство стремительной деградации; для имеющих уши это – сигнал о непосредственной опасности, поджидающей нацию на ближайшем историческом повороте...

Виктор Шендерович

"Лошади меня смешат..."

Предисловие к старой книге

Россия, пятнадцатый год, военная пропаганда, патриотический подъем... Порядковый номер века значения не имеет.

Редко бывает, чтобы тема вековой давности попадала такой солью в свежую рану.

В прошлой милитаристской кампании, меж тем, вострили перья – лучшие из лучших. Это сейчас, в новейшем патриотическом фарсе, ни одного стоящего имени не отыщешь, а в начале двадцатого века в черед дежурных пропагандистов встречались таланты совершенно недюжинные, а то и писатели, близкие к гениальности: один Аверченко чего стоит! И ведь от души было исполнено, вполне искренне...

Но "время – честный человек".

Пройдет несколько лет, и в лучшей своей новелле – "Фокус великого немого" – тот же Аверченко будет отмаывать назад русскую историческую пленку, и уже не так бойко отзовется о той ужасной войне; вспомнит ее переполненные могилы и лазареты... Он, весело вдохновлявший людей становиться содержимым этих могил и этих лазаретов, – должно быть, успел ощутить в своем эмигрантском дожитии весь объем «фокуса», который сыграло с ним самим и его любимой Россией эйфория того патриотического подъема; успел понять цену похмелья, которую платит любая страна – в том числе и за шутки над другими народами...

Эти шутки вообще лежат на поверхности. Как, например, не рассмеяться над немцами – они ведь такие смешные! Турки – вообще обхохочешься. А уж венгры – ну просто пипец! И все они, как на подбор, не такие, как мы, – а мы-то как раз нормальные, ровно такие как надо, не правда ли?

Немудреную природу этого юмора раскрыл в хрестоматийном «Дракон»¹, в пятисекундном диалоге Осли и Кота, великий Евгений Шварц: "Лошади меня смешат. – Чем? – Так... Дуры".

Ясное дело: дуры. От ослиной нормы считая, идиотки просто. То ли дело мы, ослы...

Юмор – вещь этически зависимая. Гоготать, показывая пальцем на соседа, – признак невеликого вкуса и ума, даже если там есть над чем гоготать (а есть всегда). Нация, возбуждающая себя неполноценностью других народов, сама находится в опасности, – нужны ли тут доказательства после немецкого двадцатого века? И напротив: нация, находящая в себе силы смеяться над собой, своими обычаями, фобиями, предрассудками... – имеет неплохие шансы на будущее!

Фирменная английская самоирония обезоруживает врагов Альбиона, ибо нет ни одной черты национального характера, не обсмеянной самими англичанами. Самые жесткие еврейские анекдоты – иногда за гранью фолы – выдуманы, несомненно, самими евреями. Только они и имеют право на такой мазохизм...

Русский классический анекдот о двух чугунных шарах, один из которых сломался, а другой потерялся (в запертой комнате), – наш шанс на выживание! Ибо если мы в состоянии поставить себе такой точный диагноз – значит, можем и вылечиться...

И когда тот же Аверченко и его братья-сатирикеры обгладывали по косточкам русский уклад, русскую косность и русскую глупость, – нация шла на поправку; когда культурная элита бросилась выполнять пропагандистский заказ по «мочению» немцев, австрийцев и турок – это означало перелом в беду, синдром острого национального иммунодефицита...

Надо ли указывать на очевидную рифму, которой отметился новый век? Надо, наверное. Ибо очевидна она далеко не для всех...

Да, наши нехитрые сегодняшние развлечения – с разудалыми шутками-прибаутками про «пиндосов», "укропов" и «гейропу» – прямое свидетельство стремительной деградации; для имеющих уши это – сигнал о непосредственной опасности, поджидающей нацию на ближайшем историческом повороте.

И самое время – именно сейчас, пока еще, может быть, не поздно! – заглянуть в старое зеркало, отразившее наступление прошлой катастрофы. Как почти всякая катастрофа, она сопровождалась национальным подъемом, ура-патриотическими настроениями и завершенно-непоколебимым рейтингом государя...

До гибели страны оставалось два года.

Виктор Шендерович

Теплая компания (Те, с кем мы воюем) Петроград, 1915

**Влад. Азов
Германия (Введение к познанию оной)¹**

*Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки.
Благодарен он судьбе
За свои делишки.*

Н. В. Гоголь

¹ Рис. Ре-ми

ГЕРМАНИЯ (Символический рис. Ре-ми)

На порядочной карте Европы найти Германию довольно легко. Закройте правой пятернею Россию, левой Францию, а бородою или хоть голым подбородком навалитесь на Австрию. Перед вашими глазами возникает тогда на карте бурое, цвета запекшейся крови пятно, имеющее очертанию не то драконизированного борова, не то оборовленного дракона. Это бурое пятно и есть та загадочная страна, которая с 1871 года называется Германией,

а раньше не называлась никак, или же называлась в просторечии Неметчиной. Это бурое пятно и есть то бесцеремонное государство, которое в 1871 году плюхнулось в самую середину карты Европы, заставив всех потесниться.

Если бы какой-нибудь дурак вздумал протянуть поперек всей Германии веревку, вроде как у нас, в провинции, протягивают через весь двор для сушки белья, понадобилось бы с севера на юг веревка длиной в 853 версты. Такой веревки, конечно, не найдется даже в прославленной своею канатной промышленностью Германии. Тем не менее некоторые позволяют себе утверждать, что им удалось измерить Германию не только поперек, с севера на юг, но и вдоль – с запада на восток, и что будто бы на это дело пошло 1265 верст тонкого шпагата. Это представляется нам просто нелепым хвастовством, и мы не замедлим пояснить наше утверждение наглядным примером.

Считая, что на пуск хорошего змея, с гребешком и барабаном, требуется (maximum!) сто сажен тонкого английского шпагата, мы видим, что длины Германии с запада на восток хватило бы на пуск одним гимназистом 6325-ти змеев или, что в результате одно и то же, – на пуск 6325-ю гимназистами каждым по одному змею. Эти соображения без дальнейших комментариев доказывают, насколько преувеличенными являются распространяемые, конечно, самими немцами, сведения о длине Германии.

Это любопытная страна, которую с севера с незапамятных времен омывают, но по видимому никак не могут омыть, целых два моря, населена немцами в количестве 68.237.416 экземпляров, не считая канцлера Бетман-Гольвега и бывшего германского посла в Петрограде графа Пурталеса. Добросовестнейшие статистики утверждают, что в Германии на каждые 100 жителей приходится 93 немца. Куда же, спрашивается, деваются остальные 7, которых не хватает до каждой сотни? Не надо быть особенно прозорливым, чтобы сейчас же догадаться, что эти 7 немцев из каждой сотни составляют кадры германского шпионажа.

Немцы, населяющие Германию, разделяются на всенемцев, прусских немцев и остальных немцев. Германские все-немцы отличаются тем, что они живут в Австрии. Прусские немцы отличаются тем, что считают всех остальных немцев дураками, а все остальные немцы – тем, что считают прусских немцев выскочками, грубиянами и невежами. Исключение составляют только саксонцы, которых прусские немцы считают и дураками и невежами, и которые сами себя считают единственными настоящими немцами. Кроме немцев, Германию населяют еще немки и немчики, известные под общим названием немчура.

...об их кельнерах, кланяющихся в пояс за данный на чай зильбергрош.

Первые сведения о немцах привезли в Россию русские путешественники, возвращавшиеся через немецкие земли из Парижа. Они распространяли слухи об услужливости немцев, об их скромном и почтительном поведении, об их кельнерах, кланяющихся в пояс за данный на чай зильбергрош, о раболепном их преклонении перед титулами и званиями и об их любви к сосискам, музыке, пиву и девушкам с ангельскими чистыми глазами, умеющими проворно вскакивать на колени к завсегдатаям их пивных. Немцы нам сразу понравились и некоторые даже гениальные русские люди (например, Гоголь) считали счастьем обзавестись в Гамбурге парой штанов из светлой нанки, а Аксаков приходил в восторг от немецкого угощения, заключавшегося в бутербродах, которые гости приносили каждый с собою и каждый для себя. При ближайшем, однако, знакомстве с немцами у нас наступило некоторое разочарование, и тот же Гоголь, не успев еще, может быть, износить нанковые штаны, заказанные в Гамбурге, со всем ядом своей сатиры обрушивается на петербургских немцев. Тургенев влюбляет своего Санина, хотя и в Германию, в итальянку и оставляет одно из картиннейших описаний немецкой наглости. Что же касается Салтыкова-Щедрина, то его немецкий мальчик в штанах, противопоставленный русскому мальчику без штанов, заставляет целое поколение смотреть на немцев не без ужаса. Впрочем, к этому времени, к эпохе Щедрина, немцы превратились уже из любителей музыки и пива в любителей французского шампанского и крупповских орудий.

К этому же времени относится изобретение немцами обезьяны, давшее колоссальный толчок немецкой промышленности.

Кто именно из немцев изобрел обезьяну, до сих пор не установлено, и пруссаки приписывают честь этого изобретения себе, в то время как швабы считают, что идея этого изобретения принадлежит во всяком случае им. Как бы то ни было с изобретением обезьяны, немцы покрыли свою страну фабриками, заводами и мастерскими, целью которых явилось всемерно обслуживать и удовлетворять, иногда даже предупреждая их, потребности этого замечательного во всех отношениях животного. Для удовлетворения потребности

обезьяны в дешевой (обезьяны, как известно, не богаты) роскоши, немцы понастроили в своих городах многоэтажные магазины с продажей в них за гривенник цветных галстуков и за полтинник персидских ковров. У них появились рестораны, вмещающие до 3.000 четвероруких, автоматические закусочные с отпуском собачьей колбасы, места для отправления естественных потребностей, разукрашенные как дворцы и, наконец, колонии во всех частях света. Изобретение обезьяны дало также толчок и направление немецкой литературе. Для удовлетворения духовных потребностей и любопытства этого животного немцы затеяли бесчисленные юмористические журналы, которые, под названием *Witz-blätter* совершенно вытеснили с книжных полок творения писателей эпохи гамбургских нанковых штанов. Для удовлетворения эстетических запросов обезьяны немцы соорудили в Берлине известную всем Аллею Победы, а в Мюнхене открыли в огромном стеклянном дворце постоянную картинную выставку. Таким образом, в служении обезьяне даже непримиримые швабы, приписывающие честь изобретения обезьяны себе, пожали руку своим извечным врагам пруссакам.

Изобретение обезьяны, давшее такой колоссальный толчок промышленному и торговому развитию Германии, не могло не отразиться и на ее политике. С момента изобретения обезьяны для Германии открывается эра усиленных вооружений и ее мечтою становится создать флот, превосходящий по силе и количеству судов флот давней владычицы морей Великобритании. Собственные колонии для культуры кокосовых орехов и собственный флот для перевозки их. Это на море. А на суше: собственные щипцы для раскалывания привезенных на собственных судах из собственных колоний орехов, сработанные собственными руками из собственных материалов.

Если, зажав глаза, вы ткнете указательным перстом в серединку бурого пятна, обозначающего на карте Германию, вы закроете мягкой подушечкой, которой, надеюсь, заканчивается ваш указательный палец, Берлин с его окрестностями. Официально, по географическому паспорту именуемый просто Берлином, этот город, расположенный по обеим берегам ничтожной речонки Шпре, стал титуловаться немцами, со времен изобретения ими обезьяны, самыми почетными титулами. Его называют Афинами на Шпре, Римом на Шпре, Москвою на Шпре, Парижем и Лондоном на Шпре и даже Калькуттой и Гайдерабадом на Шпре. Когда это все перестало удовлетворять тщеславие немцев, они официально окрестили свой Берлин великим Берлином, и тут уж иностранцам ничего не оставалось поделывать, как повторять за этими чудаками: *Gross Berlin*. Чтобы хоть как-нибудь оправдать это свое наименование, Берлин, не будучи в состоянии сделаться действительно великим, стал в один прекрасный день очень большим. Сделано было это по системе удава: Берлин проглотил окружавшие его кольцом маленькие города и включил их в сеть своих железных дорог и своих пивных и закусочных. Вывеска «Ашингера», воз вещающая пиво и сосиски, протянула свои щупальцы от центра старого Берлина вплоть до опушки Грюневальдского леса. Говорят, когда это произошло, последний фавн, уцелевший каким-то чудом в этом прославленном лесу, вышел из онога, ударил шапку оземь и поступил вертельщиком "чертова колеса" в открывшийся поблизости Луна-Парк. А проживавшая на опушке леса последняя Гретель пошла в тот же Луна-Парк в "бир-мамзели".

последний фавн поступил вертельщиком "чертова колеса" в Луна-Парк.

Сделавшись непрекаемым центром Германии, как в отношении материальной культуры, так и в отношении культуры духовной, Берлин не замедлил наложить на Германию свой тяжелый штамп. Глядя на берлинцев, все немцы превратились в коммивояжеров, шумливых, пестро одетых, грубых, курящих сквернейшие сигары и носящие усы по образу и подобию кайзера. Берлин превратился в какую-то грандиозную парикмахерскую для оболванивания всех немцев на один, к тому же пошлый, образец. Немцы стали до того похожи друг на друга – всей внешностью, костюмами, манерами, речью, привычками, – что стало необыкновенно трудно различать их. Иностранец раскланивается со знакомым немцем и мучительно думает: "кто это такой? профессор Шульце, у которого я слушаю курс истории римского права, или сапожник Шмидт, который, подлец взял с меня 2 марки 60 пфеннигов за бумажные подметки?"

Некоторые иностранцы даже с ума от этого всенемецкого сходства сходили и ловили себя на том, что слушают лекции у сапожников или лечатся у портных. В семейную жизнь самих немцев это всенемецкое сходство, эта нивелировка под Берлин внесла также не мало расстройств. Констатированы были тысячи случаев, когда немки вполне искренне принимали своих любовников за своих мужей и наоборот. Масса было также случаев, когда кондуктора берлинских трамваев, не будучи в состоянии распознать, где кончаются они и где

начинается публика, сами с себя – и пренахально! – требовали деньги за проезд. Дошло до того, что кайзер, чтобы не быть смешиваемым с другими немцами, абсолютно на него похожими и во всем ему подобными, вынужден был завести себе оригинальный автомобильный гудок, исполняющий несколько тактов из "Проклятия Вотана", и вместе с тем запретить остальным немцам пользоваться гудками, исполняющими какой бы то ни было мотив. Некоторые особо умные немцы призывали к борьбе с этим всеобщим обезличиванием, резонно усматривая в нем месть обезьяны, вызванной немцами к тревожной жизни из сладкого небытия. Но, злоупотребляя своим, еще Бёрне кодифицированным правом быть глупыми, немцы и слушать не хотели своих умных людей. Зато призывы вроде тех, что немецкая культура должна быть палками вколочена в тупые славянские головы, пользовались у них неизменным успехом и вызывали восторженные клики «hoch». Все головы, кроме подстриженных под берлинскую машинку и украшенных усами по-кайзерски, стали казаться немцам тупыми. И очень серьезные немцы, не будучи в состоянии примириться с таким, например, возмутительным фактом, что вот Микель Анджело был великим художником, а не был немцем, – повели обширные исторические розыскания с целью доказать, что все великие люди прошлого были немцами. Это им удалось и немцы окончательно уверовали в свою богоизбранность. Обезьяна, которую немцы изобрели, даже не потрудившись осведомиться у нее, желает ли она быть изобретенной, продолжала мстить за себя. Это она нашептала немцам их грандиозно-маниакальные идеи, приведшие их к конфликту со всем миром.

Тупые славяне, тупые галлы, тупые англо-саксы, тупые японцы объединились и колот орехи на умных немецких головах. С каждым расколотым на головах у них орехом у немцев проясняются мозги. С каждым расколотым у них на головах орехом немцы умнеют и от благотельного сотрясения маниакальные идеи со свистом и шумом вырываются наружу и испаряются, как демоны, изгоняемые колотушками из бесноватого. Тупые славяне помогут немцам свергнуть захлестнувшее их окончательно иго обезьяны, и для Германии начнется новая жизнь.

"Счастлив тот, кто сшил себе в Гамбурге штанишки", – писал Гоголь.

Мы еще будем шить себе штаны и в Гамбурге и в Берлине. Но, немцы! – по справедливой оценке, а не на основании унижительного торгового договора, который вы навязали нам в момент нашей слабости и в расцвете вашей самовлюбленности и самоопьянения.

Тэффи Германия²

Обзор географический

Германия есть нечто вроде государства, граничащего на севере с Балтийским и Северным морем, а на западе, юге и востоке – Союзными армиями.

Устройство поверхности

Поверхность Германии устроена очень странно, а именно: она чем ниже, тем выше. На юге поверхность ее выше, чем на севере. И оттого, что она чем ниже, тем выше, она, следовательно, чем выше, тем ниже. Это географическое недоразумение, само собою разумеется, отражается, на всей жизни страны и на характере ее обитателей, вызывая в последних сильную уравновешенность. Чем ниже, тем выше, чем выше, тем ниже. Таково устройство поверхности Германской Империи.

Почва Германии разделяется на

- 1) неплодоносную,
- 2) неплодородную и
- 3) малопригодную.

Неплодоносная часть Германии покрыта торфяными болотами.

Неплодородная – мелкими камнями.

Малопригодная – песком и глиной.

Климат

Климат Германии по свидетельству науки (география Смирнова) обладает следующими еще непревзойденными качествами: около моря он морской, а чем глубже в континент, тем он становится все континентальнее и континентальнее, пока не сделается окончательно континентальным, – а именно около юго-восточной границы государства.

Летом (по свидетельству той же науки) бывает в Германии значительно теплее, чем зимой, зимой же значительно холоднее, чем летом.

Летом перепадают дожди, зимой бывают морозы.

На юг немцы ездить не могут, потому что юга у них нет. Куда ни двинься – климат одинаковый, потому что, как мы уже упоминали, Германия – чем выше, тем ниже, и чем ниже, тем выше.

Реки и каналы

По Германии протекает много рек, но самым обидным для Германии образом – не целиком, а только кусочками.

Таким образом немцы, любящие воспевать свои реки в стихах и песнях, вечно стеснены в своих поэтических порывах. Ибо неудобно петь:

"О, как ты прекрасен, Рейн в конце своего течения".

² Рис. Ре-ми

или:

"Люблю тебя Дунай до Австрийской границы".

Воспевать же реку целиком значило бы безвозмездно работать в пользу соседей, что совершенно с укладом немецкой души, даже самой поэтической, не согласуется.

Это качество немецких рек, повторяю, тяжелая страница немецкой жизни.

В утешение себе немцы соединили свои неудачные реки каналами.

Народонаселение

Слово «Германия» состоит из двух слов.

Из слова «гер», что значит «господин» и слова «мания» – что значит "мания".

Итого: слово Германия значит «господомания». Иначе говоря – хочу быть барином.

Название это указывает на истинное желание немцев попасть в господа, а также на то, что господами они никогда не были – иначе, получив желаемое, утратили бы стремление и название получили бы другое.

Коренные жители Германии, так называемые немцы, или германцы (испорченное германьяки) отличаются настойчивостью, терпением и трудолюбием.

Занимаются германьяки преимущественно торговлей и промышленностью.

Тяжелы были первые шаги их на этой почве. Старинная русская песня говорит об этом в коротких, но тем не менее за душу хватающих словах:

"Немец, перец, колбаса,
Купил лошадь без хвоста".

Здесь все, в этой маленькой песенке: несложные запросы немецкой натуры – перец и колбаса. Колбаса – сущность, перец – красота жизни и вдохновение; и затем деятельность – купил лошадь без хвоста.

Но вот в последних словах – загадка: почему он купил лошадь без хвоста? По глупости или по скупости.

Разрешить загадку – дело истории.

Но трудно отделаться от тихой лирической печали, навеваемой этой песнью о немце.

По натуре своей немцы спокойны и прозаичны. Одно есть у них увлечение, тайное, глубокое, могущественное, но они скрывают его всеми силами души и никогда в нем не признаются.

Они влюблены в французов.

Если вы скажете немке, что она похожа на француженку – она покраснеет и заикает от радости.

Каждый немец с наслаждением говорит «пардонг», "салонг" и прочие неудачные ему слова.

Любовь к французам глубоко несчастная любовь. Безнадежная. Французы немцев терпеть не могут. Органически.

И речь французская в немецкий рот не укладывается. Если немец говорит по-немецки, он может, если пожелает, выдать себя за шведа, англичанина, русского. Но когда немец заговорит по-французски – он открыт бесповоротно.

Особенно усиленной германизации предаются народные учителя в немецкой Польше.

Отсюда и пошел радостный возглас, обратившийся в поговорку:

– Эге! Шпрехен зи дейч, Иван Андреич!

Кроме коренных германьяков в Германии живут еще французы и поляки – и по свидетельству науки (география Смирнова) "подвергаются систематической германизации".

"Германизация" – слово не русское и в переводе означает приблизительно "драть как Сидорову козу".

Особенно усиленной германизации предаются народные учителя в немецкой Польше.

Германизированные ими дети часто оставались калеками на всю жизнь или умирали преждевременно.

Промышленность

За последние годы Германия сделала большие успехи в области промышленности.

Настроили множество фабрик, наоткрывали огромные магазины, а немецкие ученые написали толстые книги об этих фабриках и магазинах.

...немецкие ученые написали толстые книги об их фабриках и магазинах.

Так о знаменитом берлинском магазине Вертгейма не только написано в большом ученом исследовании о том, сколько он ежегодно продает юбок из гнилого сукна, но также и подробно исследованы были продавщицы этого магазина с точным обозначением сколько именно каждая девица должна ежемесячно приработать ночными прогулками по Фридрихштрассе.

Девицы, завертывающие товары, должны быть очень молоды и очень красивы.

Девицу переводят в отдел блузок.

Дело поставлено с чисто научной сухостью. Все обдумано и взвешено. Девушки, завертывающие товары, должны быть очень молоды и очень красивы, — так как труд их особой опытности не требует, польза, приносимая магазину, не велика, и поэтому магазин оплачивает только одну четверть насущных потребностей; три остальные четверти они зарабатывают на Фридрихштрассе.

...Затем в отдел шляп.

Когда девица делается старше и опытнее, ее переводят в чулочное отделение. Тут ей разрешается даже слегка подурнеть, потому что польза, приносимая ею магазину, ценится значительно выше, чем у оберточной девицы – и Вертгейм оплачивает целую треть ее земного существования. Ей остается раздобыть на Фридрихштрассе только две трети.

Но вот пройдет еще несколько лет, приобретается еще больший опыт, и девицу переводят в отдел блузок.

Затем в отдел шляп.

...Затем в отдел готового платья.

Затем в отдел готового платья, где она уже имеет полное право совсем подурнить и состариться, потому что приработать ей приходится сущие пустяки, на какой-нибудь воскресный шмандкухен или пару перчаток.

Все высчитано, взвешено, исчислено и записано.

Само собою разумеется, дело, столь правильно, толково и серьезно поставленное, должно давать прекрасные результаты.

А так как подобная толковость и серьезность являются принципом всех немецких дел и предприятий, то само собою разумеется, что Германия богатеет, развивается и преуспевает.

СВИНЬИ

Германия в большом количестве производит свиней. Почти все население Германии предается производству свиней.

Свинья.

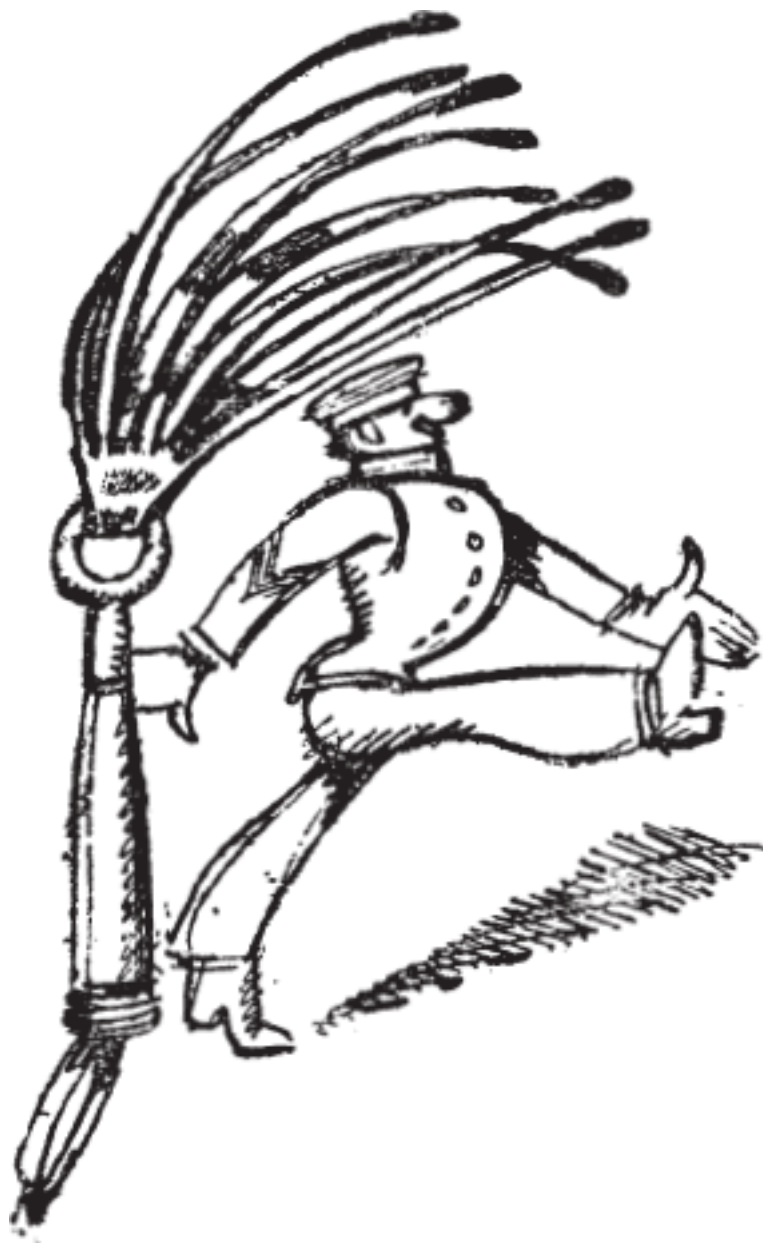
За последние годы свинство Германии достигло размеров, не поддающихся никакой статистике.

Как некогда Генрих Четвертый мечтал о курице в миске каждого крестьянина, так Вильгельм Второй мечтает о том, как бы хорошо было каждому подложить свинью. И подкладывает. Разводит и подкладывает.

Леса

Лесов в Германии не очень много, но содержат их немцы очень тщательно, ибо при помощи свежесрезанных ветвей воспитывают свое молодое поколение.

Для людей более зрелого возраста, уже не требующих к себе особо нежных, так сказать материнских отношений – как, например, в казармах и военных судах – розги без лишней сентиментальности заменены кошками-девятихвостками. Это охраняет леса от излишней порубки и поддерживает в воинах бодрость духа и мужество. И эта разумная экономия идет тоже на пользу стране, порождая тихую зависть в более расточительных и не столь благоустроенных государствах.

...поддерживает в воинах бодрость духа и мужество.

Вода

С водой немцы тоже обращаются бережливо. Реки и озера чистят и моют с мылом.

Земля

Земли в Германии не много и немцы холят и берегут ее. Стараются не пачкать.

В больших городах каждое утро специальные чиновники, состоящие на городской службе, вылизывают дочиста языком все залитые асфальтом улицы. Простые мостовые метут метельщики.

Университеты

В Германии очень много университетов.

Профессора

В университетах немецких в былые времена читались лекции профессорами. В настоящее время профессора заменены почетными профессорами. Почетные профессора получили звание свое за различные подвиги. Один за то, что обладая оружейным заводом, хорошо отливал пушки – получил кафедру богословия. Другой за то, что будучи вахмистром, показал неустрашимость, поддев на штык двухмесячного серба – получил кафедру высшей математики. Третий за то, что, будучи рядовым, первый поджег Лувенскую библиотеку – получил кафедру литературы.

чиновники, состоящие на городской службе, вылизывают дочиста языком асфальтовые мостовые

Профессора эти лекций не читают за недосугом, так что наука германская находится во временном застое.

"Почетный профессор" германского университета.

Содержание немецкие профессора получают очень скудное, потому что немецкое министерство народного просвещения высчитало с точностью до одной сотой, сколько каждый профессор может приработать выгодной женитьбой. Профессор, как человек ученый, высоко котируется на марьяжной бирже и с легкостью находит денежную девицу.

Деньги у денежной девицы профессор отбирает после свадьбы в свою собственность и распоряжается ими на радость и пользу себе, разумно и мудро, как и подобает его званию. По воскресеньям профессор, как и всякий приличный немец, ходит с женой в ресторан, где, выпив одиннадцать кружек пива, не допивши двенадцатой, оставляет глоток для жены и, съев свиную котлету, позволяет жене долизать остатки соуса с горошком.

Если у профессора есть дети их берут также с собой, чтобы они во время отсутствия родителей не испортили чего-нибудь в квартире.

Но кормят детей в ресторане только теми же домашними подзатыльниками.

Профессор, как человек ученый, высоко котируется на марьяжной бирже.

Студенты

Студенты немецкие отличаются от всего остального человечества рубленой мордой. Чем больше на морде рубцов, тем студент интереснее.

Это все следы дуэлей. Немецкий студент кровью, вы пущенной из своей морды, смывает нанесенные ему оскорбления.

– Отчего у вас шестнадцать рубцов? – спрашивают студента.

– Оттого что я шестнадцать раз дрался на дуэли.

По воскресеньям профессор, как и всякий приличный немец, ходит с женой в ресторан.

Немецкий студент.

– Отчего же так много?

– Оттого что меня шестнадцать раз оскорбляли и приходилось смывать оскорбления. Их ужасно часто оскорбляют – этих немецких студентов.

Русский студент может дожить до глубокой старости (а это сплошь да рядом с русскими студентами случается) и никому в голову не придет, что его надо оскорблять.

Никем не оскорбленный немецкий студент считается человеком непорядочным, в хорошем обществе нетерпимым, и, вообще, существом опозоренным. И несчастный, не сумевший заслужить необходимого для него оскорбления, запирается у себя в комнате и с разбегу разбивает лицом оконную раму.

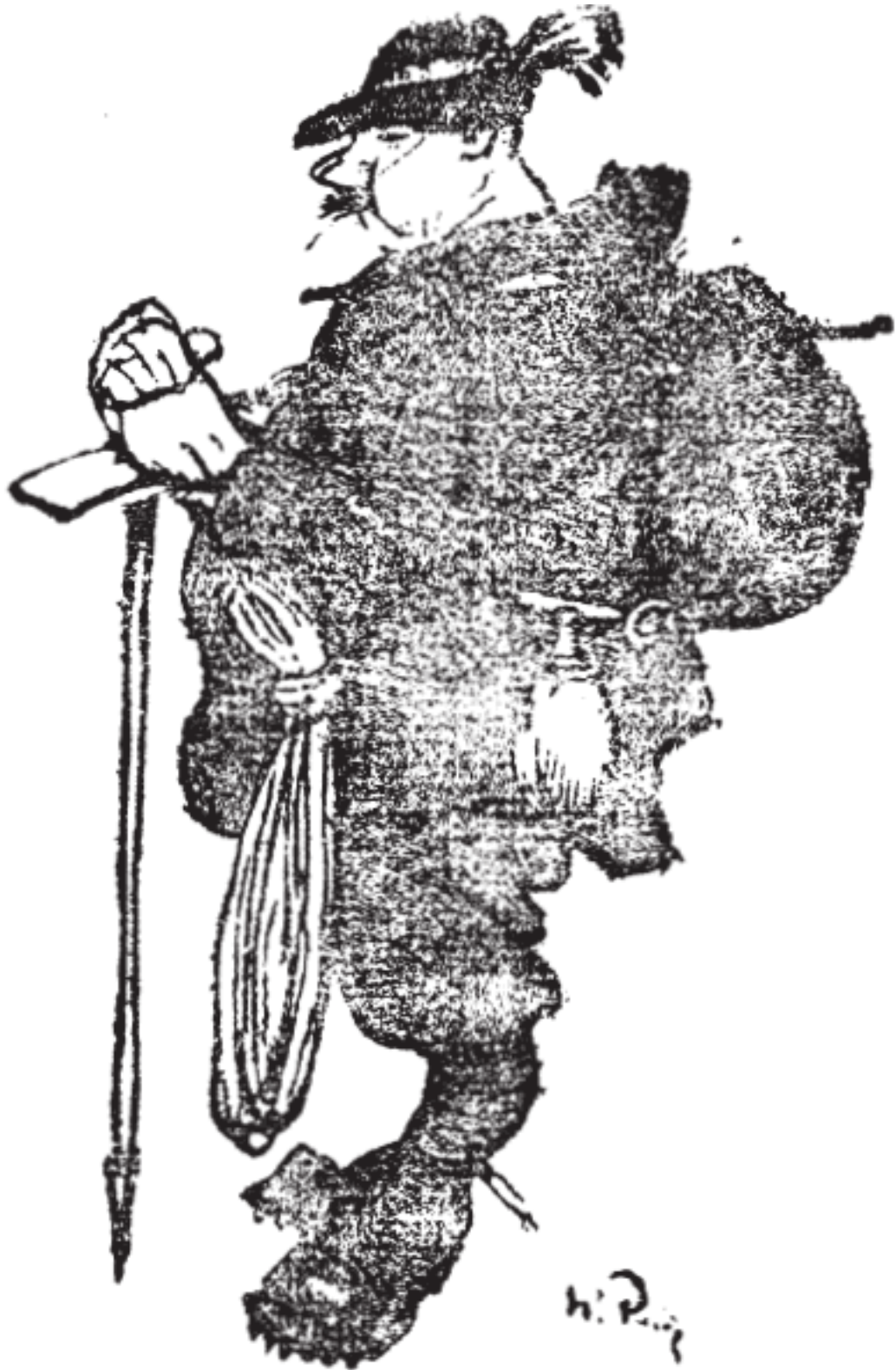

Сало просвечивает на солнце.

И потом со свежими ранами идет в пивную, где долго и тускло врет перед замирающими от зависти товарищами, как его неистово оскорбляли, называли уличным вором, подлецом, попрошайкой, шулером, как не подавали ему руки и били колбасой по физиономии. И вот целым рядом кровавых дуэлей он отстоял свою честь. Но он твердо надеется, что еще кто-нибудь не преминет оскорбить его и снова раскровянить его физиономию.

Немецкий студент, кроме вышеописанной физиономии, отличается еще необычайно нежного цвета розовым салом на затылке. Сало это лежит на воротнике твердым упругим куском, покрытым реденькой короткой щетиной золотистого или бурого цвета. Сало просвечивает на солнце, дрожит при смехе и пении владельца и радуется словим видом его друзей, родственников и почетных профессоров. В пищу оно не употребляется.

Кроме обычных мирных жителей, профессоров, свиней и студентов разводятся в Германии в большом количестве так называемые туристы.

Турист.

Туристы эти вопреки своему названию никаких туров и путешествий не предпринимают. Называются же они туристами потому, что носят костюм, приспособленный к самым непроходимым местам земного шара. Немецкий турист может всю жизнь просидеть у себя на балконе, одетый: в кожаную непромокаемую куртку, в подкованные на шипы сапоги, и в тирольской шляпе, украшенной кисточкой и щетиной дикого кабана.

Все это громоздко, тесно, тяжело, неудобно. Но он турист, и это имя его обязывает.

Истинный турист пойдет гулять по улочкам своего маленького городка не иначе, как вооружившись топориком для вырубания ступенек в глетчерах, лестницей для влезания на горные отвесы, веревкой для падения в пропасть и лопатой для копания собственной могилы на случай гибели.

Одетый таким образом, немец двигается с трудом. Глаза у него вылезают от натуги. Привешанный на спину мешок с запасным сапогами, бельем и теплой фуфайкой оттягивает ему плечи назад, и не будь его живот вдоволь налит пивом, он бы немедленно перекувырнулся на спину.

Кисточка из кабаньей щетины имеет значение тройкое: украшает, устрашает и служит для намыливания щек при бритье.

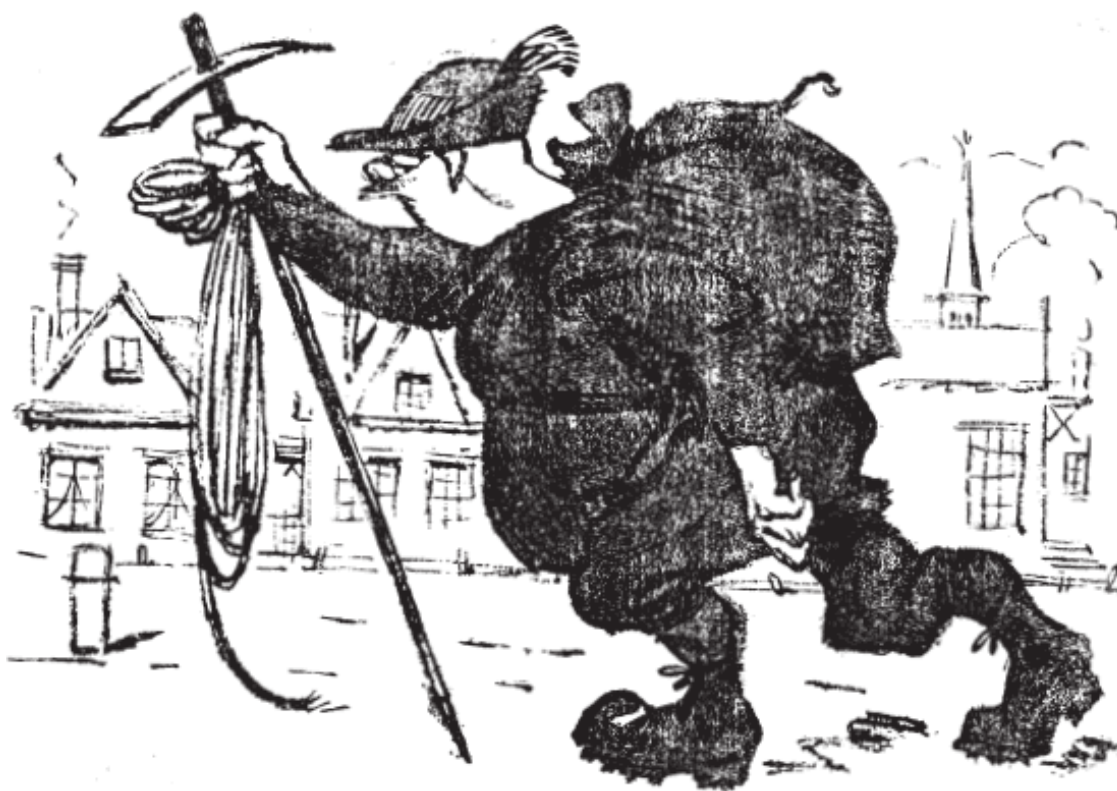
Украшает.

Устрашает...

...и служит для намыливания.

Глаза у него вылезают о натуги. Привешанный на спину мешок с запасным сапогами, бельем и теплой фуфайкой оттягивает ему плечи назад, и не будь его живот вдоволь налит пивом, он бы немедленно перекувырнулся на спину.

Долго гулять турист не может. Он обессиливает на первом повороте в пивную, вваливается в нее и остается до тех пор, пока не наберет достаточно сил, чтобы, опираясь на альпеншток, вернуться домой. При очень тяжелом снаряжении ему приходится набирать силы с утра до вечера.

Таково тяжелое положение немецкого туриста.

Кисточка из кабаньей щетины – грустная улыбка его печальной жизни.

Кайзер

Управляется Германия так называемым кайзером, который кроме того еще и кёниг.

Так как оба слова начинаются на букву «К», то верноподданные пишут вместо Кайзер-Кёниг – сокращенно "К. К."

Незнакомые с этим порядком приезжие чужеземцы первое время очень удивляются, видя на вывесках лучших магазинов эти таинственные два "К".

"К. К. табачная лавка".

"К. К. – почтовое отделение"

"К. К – булочное заведение".

Но отнюдь не надо понимать так, будто и табачная лавка и булочное заведение принадлежат Кайзеру-Кёнигу. Ничего подобного. Это означает только верноподданные чувства владельцев означенных учреждений.

Кроме торговых заведений, марку "К. К." приспособили для себя также и люди различных профессий.

Например, вот, скромный "К. К." – тромбонист.

Или:

"Вдова бывшего отставного К. К. – через огонь позолотчика".

Из этого второго примера явствует, что "К. К." не теряет свою силу и не сокрушается ни отставкой, ни смертью.

Таково отношение народа к Кайзеру.

И Кайзер не остался в долгу.

Он дал своему народу с широтой чисто царственного размаха – три К.

Киндер!

Кирхе!

Кюхе!

Что значит:

Дети.

Церковь и

Кухня.

Этот он преподнес немецким дамам.

И был истинным джентльменом, так как перекозырял свой народ на целое "К".

Странно, как одна буква может сыграть роль в истории страны!

На пяти К. держится вся Германия.

"К. К. К. К. К."

Три К снизу подпирают.

Два К сверху.

Два К сидят на трех К.

Крепко, твердо, устойчиво.

Отнять внизу хотя одно К... и дело пойдет куда хуже.

Если детей будут воспитывать дамы, занятые не исключительно церковью и кухней – два К. наверху не будут, пожалуй, так прочно сидеть.

Но пока что их удобство гарантировано.

Пока...

Арк. Бухов Австрия³

Австрией называется страна, расположенная, благодаря предусмотрительности великих держав, в Европе. С юга она омывается Адриатическим морем, с востока – Россией, омывшей уже наиболее укрепленные пункты.

Австрия изобилует реками, служащими переправой для отступающих войск и для перевозки контрабандного оружия в соседние страны.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств Австрии находится между северной широтой и долготой; до последнего времени выпадало много атмосферных осадков, но в связи с нуждами военного времени производство их сокращено.

Климат в Австрии теплый и благоприятный – это общее мнение не только отдельных путешественников, но и целых армий, испытавших долговременное пребывания на австрийской территории.

Реки не обладают стремительным течением, но горы весьма быстроходны: опытный генерал переходит, например, Карпаты в несколько переходов, не теряя артиллерийских парков и обозов.

Обмеления рек не заметно; усыхают только границы; над этим вопросом работают преимущественно историки.

Австрия представляет собой филиальное отделение германской империи, для розничной продажи. В мирное время отделением заведует Габсбургская династия, в военное время всеми делами заведует династия Гогенцоллернов; в это время Габсбурги работают исключительно на процентах, валовой же доход получают державы Тройственного Соглашения.

К трону приписан император Франц-Иосиф, которого за его оригинальный образ правления многие называют «престарелым». Ему принадлежит вся высшая инициатива, помимо объявления войны, издания законов и управления страной.

³ Рис. А. Юнгера и А. Розанова

...с востока Россией, омывшей уже наиболее укрепленные пункты.

Депутатам рейхсрата как вольноопределяющимся предоставляется выбор рода оружия.

Над всем родом Габсбургов, как уверяют вечерние издания провинциальных газет, висит тяжелый рок; неизвестно, кем он повешен, но большие европейские газеты завели даже особый отдел после хроники городских происшествий: "Несчастья с Габсбургами", расцениваемый по повышенному гонорару.

Австрийская тайная полиция деятельно охраняет членов династии; в последнее время ее организация настолько окрепла, что даже смогла самостоятельно устроить убийство эрцгерцога на боснийской территории.

Габсбургам помогает рейхсрат; хотя это учреждение не династическое, но тоже подверженное несчастным случаям, особенно во время прений немцев и чехов. Депутатам рейхсрата как вольноопределяющимся предоставляется выбор рода оружия.

Чехи предпочитают чернильницы, немцы – движимое имущество семейных квартир – стулья, зонтики, цветочные горшки и т. д., которые они сносят за два часа до заседаний.

Во время проведения важных законов, Габсбурги, желая прислушаться к голосу страны, рейхсрат распускают и передают все на усмотрение государственного консула, который подает в отставку. Разрешение вопроса приходит из Берлина, с пометкой "Made in Germany" (сделано в Германии); это составляло почти весь импорт Австрии за последнее время.

Население Австрии

Историки передают, что во время вавилонского смешения языков Австрия не сумела воспользоваться своей долей (можно ли не верить после этого злому року Габсбургского дома!) и с тех пор ходит без языка, пользуясь для необходимых случаев немецким. Можно прожить в Австрии шесть лет и не услышать австрийского языка, хотя русские еженедельные журналы и помещают иногда переводы с австрийского.

Население живет обрабатывающей промышленностью, немцы обрабатывают венгров, венгры – славян, славяне никого не обрабатывают, поэтому их промышленность называется добывающей. А что они добывают – это пока неизвестно.

Главный город Австрии – Вена, жители которой преимущественно занимаются венским шиком: засевают парки картофелем, окапывают окрестности и переезжают в другой город во избежание военных неприятностей.

В свободное от побегов время, венцы делают кофе по-венски, шницеля, венские стулья и пьют венское питье. Они отличаются особым патриотизмом и даже лучшее слабительное называют горькой водой Франца-Иосифа.

Вена считается одним из самых красивейших городов Европы; впечатление портят только австрийцы, которых здесь можно встретить на каждом шагу. Венцы очень любят украшать свой город памятниками, стараясь не пропускать ни одного исторического случая: смерти негуса Менелика, взятия Кирк-Килиссе, открытия паровой прачечной в Праге, раскрытия игорного притона в Архангельске и т. п.

Лучшие женщины Вены организуют венские оркестры и играют в ресторанах второго разряда от шести вечера до двух ночи. По праздникам – раньше.

Многие из европейских жуиров всегда следуют венской моде; даже султан Магомет V сделался ее ярким последователем и предполагает убежать в другой город.

Армия

Вся австрийская армия в военное время делится на пленных и отступающих. Первыми заведует русское военное министерство, вторыми никто не заведует.

В мирное время армия делится на 1) армию и флот, 2) австрийский ландвер и 3) венгерский гонвед. Флот состоит из германских броненосцев и двух портов, занятых Италией. Армия обыкновенно занимается обстреливанием Белграда. Ландвер разделен на национальности, из которых каждая уже самостоятельно участвует в мятеже, в отличие от гонведа, который во время войны защищает Венгрию от Австрии.

Артиллерия, как сообщали газеты, бронзовая, с лепными украшениями – для того, чтобы артиллеристам не стыдно было с чем и в люди показаться. Были проекты делать пушки из более дорого материала, но боялись соседства династии Гогенцоллернов.

Главный штаб австрийской армии набирается из лиц административно-оштрафованных за распространение ложных слухов. Первый штраф носит денежный характер, второй без замены деньгами, и уже после третьего заподозренные подвергаются насильственному составлению сведений о победах австрийской армии.

Австрийские войска уже не раз искусными приемами заманивали враждебные армии в Вену, где тем волей-неволей приходилось получать контрибуцию и уходить на родину. Австрийские солдаты находчивы, веселы и остроумны; они умеют метко охарактеризовать положение, и им приписывается чисто Суворовское изречение по поводу потери Львова:

– Пуля – дура, Ауфенберг – тоже дурак.

А генерал Данкл в одной из своих бесконечных шуток во время отступления удачно перефразировал изречение Цезаря:

– Пришел, увидел – и подал в отставку.

Суровая дисциплина выработала в австрийском солдате дух настоящего спартанца. Не желая пользоваться на войне преимуществами, он охотно отдает неприятелю артиллерию, денежные ящики и пулеметы.

– Мы не изнежены, – говорят австрийские офицеры, очутившись в русском лагере, – с нас хватит и простого конвоя.

Консервированные холерные вибрионы...

В противоположность германским войскам, позволяющим себе излишества в военное время, вплоть до стрельбы по сестрам милосердия, австрийцы довольствуются самыми скромными боевыми развлечениями – отравлением колодцев, стрельбой разрывными пулями, и даже к поджогам деревьев приступают только по усиленному настоянию туземного населения.

Питаются австрийцы в мирное время консервами; судя по газетам, в одном из захваченных у австрийцев окопов были найдены даже консервированные холерные вибрионы. В военное время австрийская армия ничем не питается, что лишний раз подчеркивает ее боевые качества.

Австрийская дипломатия

Дипломатам называются люди, устраивающие войны. Австрийскую дипломатию отличает от других особая тонкая хитрость и упорство, ставящие враждующую страну в безвыходное положение. Как показал опыт настоящей войны Австрии с Россией и Францией, на обязанности австрийских дипломатов лежит тяжелая задача продержаться возможно дольше во враждебной стране.

– Вам тут паспорт принесли, – докладывают австрийскому послу на другой день после объявления войны.

Австрийский дипломат с изумлением рассматривает паспорт, внимательно прочитывает его и обижается.

– Что же они не могли подождать... За прописку там надо, или больничный сбор – так они уже лезут к занятому человеку...

– Да нет, говорят, что уезжать надо вам...

– Мне? Послу дружественной державы? Мне?

– Да ведь Австрия объявила войну...

– А что же мне раньше-то не сказали? – обиженно огрызается австрийский дипломат.

После этого он идет в министерство иностранных дел и грозит, что если с ним будут так невежливо поступать, то недалеко и до открытия военных действий...

– Да они уже открыты...

– А, это другое дело. Вот поживу еще с недельку и уйду...

Посол переезжает на частную квартиру, оттуда в меблированные комнаты, живет там не прописываясь, потом скитается несколько дней по ночлежками, наконец, не выдержав, вручает ноту с объявлением войны. После этого он уже спокойно возвращается в здание посольства, откуда его отправляют по месту жительства на родину.

В балканских государствах австрийские дипломаты занимаются назреванием конфликтов и принимают участие во внутренней жизни страны. Так, если черногорским офицерам запрещается носить лакированные сапоги, австрийский дипломат обязан предупредить сербское правительство об уступке данным правительством Австрии определенной пограничной полосы. В случае отказа посол в виде протеста выдает субсидию македонским четам для нападения на Болгарию. Так путем долгой и терпеливой работы создается так называемый балканский вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.